

Как только гости разошлись, Сун Чжиши, забыв о всяком приличии, рухнул на кровать и растянулся звездой. В прошлой жизни он ни за что бы себе такого не позволил, но за те десятилетия, что он пробыл бесплотным духом, его взгляды изрядно переменились. К чёрту манеры и благородную осанку — всё это пустая мишура. Собственное удобство куда важнее.

Он уже проваливался в сон, когда его разбудил негромкий металлический стук — кто-то поставил на пол эмалированный таз.

Раздался низкий мужской голос:

— Погрей ноги перед сном.

Чжиши так устал, что не мог пошевелить и пальцем. Он уже собирался прикинуться спящим, как вдруг ощутил прохладу: кто-то стянул с него обувь. В следующий миг он почувствовал прикосновение шершавых, горячих ладоней к своим ступням.

Сун Чжиши так и подскочил на месте, мгновенно стряхнув дремоту:

— Ты... ты что творишь?!

— Разуваю тебя, — спокойно ответил Гу Хуай.

— Не надо, не надо! Я сам!

Сун Чжиши робко взглянул на мужчину. Поняв, что тот и не думает уходить, он вздохнул, покорно стянул носки и опустил ноги в горячую воду.

Стоило натруженным за день стопам коснуться приятного тепла, как Сун Чжиши блаженно зажмурился и тихо выдохнул, совершенно не заметив пристального взгляда Гу Хуая. Чжиши много лет профессионально занимался танцами, но тщательно ухаживал за собой, поэтому его ноги избежали уродливых деформаций. Они сохранили безупречную форму: изящные, с гладкой, словно матовый фарфор, кожей и аккуратными розоватыми пальцами. Гу Хуай заворожённо смотрел на них, не в силах отвести глаз.

Гу Хуай шумно сглотнул и хрипло спросил:

— Мозоли натёр?

— Нет. Не сахарный, не рассыплюсь, — неловко пробормотал Чжиши.

На самом деле на душе у него скребли кошки. За заботой Гу Хуая скрывалось горькое

воспоминание из прошлой жизни. Тогда Чжиши, никого не слушая, уволился из сельской школы и сбежал к нему. Не умея толком пользоваться транспортом, он весь путь тащился за попутной повозкой, запряжённой ослом. К военному городку он добрёл в изодранных туфлях, со сбитыми в кровь ногами, покрытыми жуткими волдырями. Гу Хуай тогда, не говоря ни слова, взвалил его на спину и отнёс в медпункт.

Гу Хуай унёс таз, вылил грязную воду и вскоре вернулся с новой порцией тепла, чтобы Чжиши мог умыться и вымыть руки. Измотанный до предела, юноша безропотно позволял ухаживать за собой. С одной стороны, он лениво думал о том, как же быстро возвращаются барские привычки — жить на всём готовом всё-таки чертовски приятно. С другой стороны, совесть не позволяла ему нагнеть и понукать Гу Хуаею, так что он твёрдо пообещал себе: это в самый последний раз.

Ночь прошла спокойно.

На следующий день, когда Сун Чжиши открыл глаза, солнце уже стояло высоко.

Пропал! Сегодня же переезд!

Мигом откинув одеяло, он наспех натянул куртку и выскочил в гостиную. Но там его встретила лишь гулкая пустота. Почти все вещи уже были вынесены.

— Проснулся? — Гу Хуай вышел из кухни в простом фартуке, неся тарелку со вчерашней разогретой едой. — Перекусим по-быстрому, и после полудня в путь.

— А мебель? — растерянно спросил Чжиши.

— Уже во дворе. Сейчас заберу то, что осталось в твоей комнате. Если у тебя есть при себе ценные вещи, держи их в карманах, не прячь в узлы.

Чжиши молча кивнул. Да и откуда у него взяться ценностям? Сейчас всё его богатство и вся его жизнь держались на одном лишь Гу Хуае.

Когда последние тюки были увязаны, Чжиши в последний раз окинул взглядом уютный дворик. Они прожили здесь всего полгода, но именно этот тихий угол стал местом их новой встречи и начала новой жизни. Жаль, что его немецкий фотоаппарат остался в старом поместье семьи Сун, иначе они обязательно сделали бы снимок на память. Оставалось лишь надеяться, что судьба когда-нибудь приведёт их сюда вновь.

Перед самым отъездом Сун Чжиши всё же разыскал мастера Фаня, чтобы купить то, о чём давно мечтал: заветный крем «Снежинка» и банку солодового сухого молока. Заодно он прихватил брусок сандалового мыла «Фэнхуа» и коробку мази в ракушке. Этот скромный набор обошёлся ему в целых пятнадцать юаней. Чжиши ещё не успел заработать ни единого фэня, а

его скромные сбережения уже растаяли на глазах. На самом деле ему хотелось купить гораздо больше, но времена стояли суровые, дефицит душил страну, и даже всеильный мастер Фань ничем не мог помочь.

После полудня Гу Хуай где-то раздобыл армейский грузовик. Погрузив свои нехитрые пожитки в кузов, они двинулись в сторону уезда Шанъян, к угольной шахте Шэньгань.

В будущем Шанъян прославится на всю страну как одна из крупнейших угольных столиц, но сейчас это был лишь скромный уездный городишко в подчинении города Хэло. Он лежал на самом севере, тогда как уезд Фуци — на юге. Благодаря открытию богатых угольных месторождений Шанъян в последние годы стремительно рос, и его экономика уже ни в чём не уступала окружному центру. Но важнее всего было другое: именно здесь находились родные места Гу Хуая.

«Захочет ли он навестить родной дом? — лениво размышлял Сун Чжиши, засыпая под мерный гул мотора. — И если да, то что тогда делать мне?»

Спустя несколько часов пути грузовик наконец затормозил у ворот крупнейшего предприятия уезда — угольной шахты Шэньгань.

Гу Хуай предъявил часовому на КПП пропуск и рекомендательное письмо, и машина беспрепятственно въехала на территорию рабочего посёлка. В отличие от военного городка с его аккуратными уединёнными дворами, здесь всё выглядело иначе. На шахте трудились тысячи рабочих, а вместе с чадами и домочадцами население посёлка переваливало за десятки тысяч. Жили они в унылых четырёхэтажных домах коридорного типа. На каждом этаже теснилось по пять-шесть квартир, а удобства вроде туалета были общими на весь коридор.

Из-за тесноты жильцы устраивали кухни прямо в общих коридорах, вытаскивая туда плитки и печурки. В воздухе стоял тяжёлый, невыветривающийся угар от дешёвого масла и угля. Проходы были завалены дровами, угольными брикетами и всяким хламом, а на редких сквозных окнах сушилось застиранное бельё. Об аккуратности и чистоте говорить не приходилось.

Как и в прошлой жизни, Гу Хуаю выделили квартиру на первом этаже, в самом конце коридора. Площадь её едва достигала сорока квадратных метров: стандартная двушка с проходной гостиной, из которой двери вели в две крошечные спальни по бокам. Всё жильё просматривалось насквозь с порога. Обстановка спартанская, зато полы были залиты аккуратной бетонной стяжкой, и для Сун Чжиши, привыкшего к худшему, это уже казалось роскошью.

В прежней жизни он прожил здесь больше двух лет, поэтому отлично помнил и саму планировку, и соседей. На самом деле на каждом этаже такого дома имелась одна привилегированная квартира — просторная трёшка около шестидесяти квадратов, с собственной кухонькой и отдельной уборной. Такие хоромы полагались лишь высокопоставленным мастерам, партийному руководству или председателю профсоюза.

Кто знает, не проявил ли Гу Хуай свою извечную скромность и готовность жертвовать собой ради других, но в итоге им достался самый обычный, тесный угол. Семьям с детьми в таких клетушках приходилось несладко: ребятня спала прямо вполку в гостиной. Но для двоих мужчин места хватало с избытком.

Чжиши даже подумывал предложить сдвинуть их кровати в одной комнате, чтобы освободить вторую под рабочий кабинет Гу Хуая. Всё-таки тот теперь занимал руководящую должность, и ему наверняка понадобится место, чтобы спокойно поработать с бумагами или принять гостей по делу. Однако стоило ему озвучить эту мысль, как на лице Гу Хуая отразилось секундное замешательство, после чего тот сухо отказался.

«Ну и ладно, — мысленно пожал плечами Чжиши, — будем жить порознь»

Теперь, когда у каждого была своя комната, спать на узкой армейской раскладушке стало неудобно. Чжиши настоял на том, чтобы заказать у местного умельца приличную деревянную кровать, но поскольку день уже клонился к закату, покупку пришлось отложить.

Всю тяжёлую работу по переноске мебели взял на себя Гу Хуай, но Чжиши не мог стоять сложа руки. Повязав голову ситцевым платком, он принялся яростно оттирать вековую пыль.

В разгар его неравной борьбы с грязью в углах со стороны порога донёлся мягкий, вежливый мужской голос:

— Здравствуйте.

Сун Чжиши и Гу Хуай одновременно обернулись. В дверях стоял молодой человек лет двадцати пяти в тёмно-синей рабочей робе. Он держал в руках глубокую глиняную пиалу. Парень был бледен, почти до прозрачности, но обладал очень тонкими, приятными чертами лица, а строгие очки в чёрной оправе придавали ему вид интеллигентного книжного червя.

— Вы наши новые соседи, верно? — улыбнулся гость. — Я живу за стеной. Меня зовут Яо Сьюй.

Чжиши попытался воскресить в памяти прошлую жизнь, но не помнил этого имени. Тогда его соседкой была вздорная, вечно скандалящая старуха. Но этот интеллигентный юноша явно обещал быть куда более приятным соседом.

Обрадованный Чжиши поспешил навстречу:

— Здравствуйте! Да, мы только сегодня въехали. Я Сун Чжиши, а это Гу Хуай.

— А это?.. — Он скользнул любопытным взглядом по пиале в руках соседа.

— Угощение, — мягко пояснил Яо Сыюй, протягивая посуду. — Домашний острый перец соломкой. Отличная приправа к паровым пампушкам. Вы, наверное, целый день на ногах с этим переездом, до готовки ли тут.

— Ой, спасибо огромное! Нам даже как-то неловко...

Сун Чжиши запнулся и инстинктивно оглянулся на Гу Хуая. Тот стоял неподвижно, и Чжиши не решился принять подарок без его молчаливого согласия. Сам того не замечая, он давно привык во всём полагаться на Гу Хуая и ловить каждое его движение.

Яо Сыюй сразу понял, кто в доме хозяин. Не дожидаясь ответа от робкого юноши, он скользнул взглядом по высокой фигуре молчаливого Гу Хуая и деликатно поставил пиалу на тумбочку у входа.

— Вы не подумайте ничего дурного, это от чистого сердца, — его голос оставался ровным и дружелюбным. — Мой супруг, Лю Чжи, работает подрывником в Пятом проходческом отряде... Ладно, пойду я. Не буду вам мешать.

— Да-да, спасибо вам ещё раз, — растерянно пробормотал Чжиши, провожая соседа взглядом. Имена «Яо Сыюй» и «Лю Чжи» прочно засели у него в голове.

Постойте... Муж?! Супруг?!

Он действительно имел в виду то, о чём Чжиши сейчас подумал?!

Потрясённый до глубины души, Чжиши медленно повернулся к Гу Хуаю. Тот едва заметно кивнул, подтверждая его догадку.

О боги! В груди Чжиши мгновенно вспыхнул непреодолимый пожар любопытства. Это же надо! Первая однополая пара, которую он встретил после своего перерождения!

Тем временем Яо Сыюй вернулся к себе и прямо на пороге столкнулся с Лю Чжи, который только что пришёл из рабочей столовой.

Лю Чжи удивленно оглядел его пустые руки:

— А посуда где?

— Новым соседям нужнее, им пока и переложить еду не во что, — ответил тот, закрывая за мужем дверь.

— Что стряслось? На тебе лица нет. Расскажи своему мужику, кто тебя обидел? — Заметив, что Яо Сыюй выглядит задумчивым и даже немного встревоженным, Лю Чжию обеспокоенно обнял его за плечи.

Сыюй покачал головой:

— Да никто меня не обижал. Просто...

— Что «просто»?

— Новые соседи... Они совсем не такие, как я думал.

— А какие они?

— Другие, — коротко отрезал Сыюй, не желая пускаться в долгие объяснения, и ускользнул на кухню заниматься ужином.

Лю Чжию озадаченно почесал в затылке, силясь понять, где опять сболтнул лишнего. Впрочем, унывать он не привык. Натянув на лицо самую обезоруживающую улыбку, он проскользнул следом на кухню и приобнял Сыюя со спины:

— Ну, жёнушка, давай помогу!

— Шёл бы ты отсюда, — беззлобно отозвался Сыюй. — Сам справлюсь.

Лю Чжию шутливо поднял руки вверх, сдаваясь, и послушно попятился прочь из кухни.

А за стеной Гу Хуай и Сун Чжиши тем временем молча созерцали злополучную пиалу с перцем.

— Ешь, не бойся, — спустя минуту томительного молчания Гу Хуай первым подцепил палочками немного закуски, попробовал и кивнул Чжиши.

Сун Чжиши не понимал, почему с самого приезда на шахту Гу Хуай выглядел натянутым как струна. Списав это на волнение перед вступлением в новую должность, он уже мысленно подбирал тёплые слова, чтобы подбодрить его за ужином.

Однако стоило им доесть, как Гу Хуай молча поднялся, накинул куртку и ушёл, оставив Чжиши в одиночестве драить квартиру.

Раздосадованный таким пренебрежением, Чжиши мысленно взял все свои сочувственные

слова обратно.

<http://bllate.org/book/19670/1984598>